

Вырезка из газеты

БАКУ
(вечерний выпуск)

г. Баку

12 МАР 1982

«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ...»

БЕСЕДА С МИНСКИМ АКТЕРОМ МАМЕДОМ МАМЕДОВЫМ

Летом прошлого года по Центральному телевидению был показан фильм «Структура момента», где этот молодой актер сыграл главную роль; вышел на экраны фильм «Перед закрытой дверью», где он играет Салеха; вот-вот появится фильм «Узеир Гаджибеков. Анкорды долгой жизни», в котором он снялся в роли М. Магомаева. А сейчас режиссер Онтай Мир-Касимов снимает фильм «Серебристый фургон» по сценарию Эльчина, где главную роль исполняет Мамед Мамедов. Театральный актер (он один из ведущих актеров Государственного русского театра драмы имени М. Горького в Минске) приходит в кино, снимается часто. Уже сейчас его приглашают еще в три картины, совершенно разные по жанру, теме. М. Мамедов и сам написал три пьесы, из которых две готовятся к постановке в Паневежисе и Саратове.

Мне показалось интересным узнать, как и почему пришел он в театр и кино. Однако Мамед наотрез отказался от интервью и предложил: «Давайте просто поговорим о том, что интересует и волнует нас в искусстве».

— Что-ж, давайте говорить... Я недавно прочла интервью с О. Табаковым, где он говорит, что необходимо добиться ранней профессионализации актера, чтобы он не ощущал нехватки общей культуры и был внимателен к своему «я». Да-да, Мамед, все же как-то более четко определено такое «безбрежное» понятие, как профессионализм актера.

— И в театре, и в кино для актера главное — высокий профессионализм. Прежде всего это возможность говорить с режиссером на одном языке. Необходимы четкие определения, которые быстро могут привести в действие весь «аппарат» актера. Но для того, чтобы актер мог их так же быстро и четко воспринять, нужно чтобы он постоянно был в форме. Для киноактера это значит, помоему, что надо много сниматься, в разных фильмах, с интересными партнерами.

Я бы сравнил процесс художественного творчества с тем, как рождается жемчуг. Лежит на дне моря раковина, в нее попадает песчинка, раковине «больно», и, чтобы заглушить боль, она выделяет вещество, которое обволакивает песчинку, — и получается жемчужина. Сам по себе жемчуг прекрасен, но в основе его боль. Эта боль и рождает отклик в зрителе. А если мимо сердца — того, кто играет, и тех, кто смотрит, — это уже плохо.

— Несмотря на то, что существуют разные стили актерской игры, мне думается, каждая роль для актера — это и по-настоящему отклик в самом себе на тот человеческий материал, который предлагает ему пьеса или сценарий. Не так ли?

— Да, причем отклик совсем не однозначный. Например, когда я прочел сценарий «Структуры момента», мое отношение к Эдику, моему будущему герою, можно было бы определить, как жалость, и одновременно ощущение того, что в его запоздалом инфантилизме кроется опасная болезнь, поражающая многих в наше время. Порой чуть не впрямую мне хотелось сказать ему: «Послушай, не губи себя,

ценность жизни не там, где ты ее ищешь. Надо жить для других, и только тогда ты по-настоящему будешь жить и для себя». А мой герой к жизни такой не готов. Эта моя работа в кино, может быть, не совсем удачная, но очень мне дорога: темой, которую хотел в ней провести, да и другим: я убежден, что ошибки помогают в работе порой больше побед.

— В фильме очень важно, хотя плохо поддается точному определению, то особенное ощущение, которое отпечатывается в нашем сознании как общее настроение фильма. Создать такое вот ощущение, помоему, помогающее в работе над фильмом, не только первая задача режиссера, но и выполнение ее возможно только с его помощью.

— Я пришел в кино, уже проработав в театре семь лет. Поэтому особенно четко ощущаю разницу в значении режиссера в театре и в кино. Роль режиссера в процессе создания фильма необычайно важна и сложна: в кино нет застольного и репетиционного периода, во время которого мы ищем все вместе, что-то меняем в «лице» спектакля. Я бы сравнил съемки фильма с кораблем в бурю. Мы все на нем пассажиры, но необходима твердая рука человека у штурвала. Это — рука режиссера. Когда режиссер точно чувствует, чего он хочет, актеру легко и свободно работает, можно «купаться в роли», фантазировать вместе.

Именно психологическая верность очень важна для «точного попадания» фильма. Может быть, этого не хватает Эдику («Структура момента»), но вот в фильме «Перед закрытой дверью» вы создали яркий национальный тип. Проблема, о которой мы задумываемся, видя супружескую чету Салех—Шаргия, не только бакинская, но она погружена в столь сочный национальный колорит, что даже даешься, как вам лично это удалось: ведь вы долгое время не живете в Азербайджане.

— Если авторы фильма знают национальные традиции, обычаи, то изображаемое на экране будет достоверно. Так произошло в картине «Перед закрытой дверью». Однако я убежден, что любое произведение искусства при всем его национальном своеобразии только тогда находит путь к сердцу тех, кому оно адресовано, когда оно поднимает проблемы, имеющие значение для всех нас, через конкретное вскрывает какие-то общие черты нашей жизни.

— Однако театральный актер, причем больше, чем киноактер, сталкивается с классикой, с историческими пьесами в своей работе. Каковы ваши личные пристрастия в этом отношении?

— Люблю классику, где можно дать свое понимание материала. В современном же материале меньше простора для фантазии. А проблемы... Ведь и в классике мы ищем ответы на вопросы, которые волнуют нас сегодня. Я очень люблю роль Тартюфа, это спрессованная идея лжи, вседозволенности. И сейчас есть люди, на этом строящие свой успех. Мне очень хочется, чтобы в кино, в театр люди шли, чтобы получить, ответ на то, что их волнует. Вкладываем в роль то, что увидел, что наболело, — ведь материал, из которого все создается в театре и кино, — это мы сами, а потому и мы сами должны быть кем-то, чтобы игра была и жизнью, и позицией.

Вела беседу
Евгения КОВАЛЕНКО.